

РЕЛИГИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР В 1920-е гг.¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение опыта реализации национальной и религиозной политики на начальных этапах истории советского государства имеет принципиальное значение для выработки курса внутренней политики в современной России, позволяет выявить факторы, влиявшие на содержание курса и его эффективность. Цель исследования заключается в рассмотрении идеологического наполнения политики в сфере поиска опор государственной конструкции в условиях выхода России из Гражданской войны и задач формирования однопартийного государства в СССР, обеспечивавших необходимый уровень социально-политической стабильности.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была осуществлена на основе анализа документов, извлеченных из фондов Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Российской Федерации, а также анализа историографических источников по проблеме. Методологической основой исследования выступает герменевтика как метод интерпретации текста, что позволяет вычленивать объективную информацию из документов идеологического характера и избежать следования историографическим штампам, а также историко-ситуационный метод, раскрывающий причинно-следственные связи, исходя из реальной конкретно-исторической ситуации, анализа картины мира, аутентичной социальной общности рассматриваемого периода.

Результаты. Исследовано наполнение политики советского государства в отношении национального строительства и управления процессом секуляризации общественного сознания в 1917–1920-е гг. Выявлено соотношение принципов декларируемого и реального содержания практики властно-политического регулирования. Доказана прямая зависимость между задачами укрепления властной вертикали, ее легитимизации, повышения эффективности управленческих стратегий и необходимостью идеологического отступления в формате поддержки программ федерализации и либерализации отношений государства и церкви.

Выводы. Анализ практической реализации курса на национальное и религиозное самоопределение народов в первое постреволюционное десятилетие, созданная путем проб и ошибок модель позитивного включения элементов этнической идентичности в идеологическую практику правящей партии выступали опорным методом легитимизации власти РКП (б) в 1920-х гг. Вместе с тем ослабление классового содержания и отказ от курса на мировую революцию, интернационализацию социальных отношений носило исключительно временный и ограниченный характер. Структурой, контролирующей предел допустимых уступок в вопросах самоопределения граждан, выступило Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

Ключевые слова: национальное строительство, религия, этническая идентичность, государство, ОГПУ.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

*O. A. Sukhova, O. V. Yagov***RELIGION, ETHNIC IDENTITY AND THE UNIFIED STATE
POLITICAL DEPARTMENT (OGPU): ON THE ISSUE
OF NATION-BUILDING FACTORS IN THE USSR IN THE 1920s.****Abstract.**

Background. Studying the experience of national and religious policies during the initial stages of the Soviet state history is crucial for the development of domestic policy in Russia today. It allows to identify the factors that influenced the course and its effectiveness. The study is aimed at exploring ideological policies of the state structure in the conditions of Russia's withdrawal from the Civil War and the formation of a one-party Soviet state which could provide the necessary level of social and political stability.

Materials and methods. The research strategy was based on the analysis of documents, extracted from the funds of the Russian State Archive of Contemporary History and the State Archive of the Russian Federation, as well as on data from other historiographic sources on the issue. The methodological basis of the research included hermeneutics as a method of text interpretation, allowing to indicate objective information of the ideological framework and avoid repetition of historiographic clichés, as well as the historical and situational method, revealing cause-and-effect relationships based on the real historical situation, the analysis of the world picture, authenticity of the social community of the period in consideration.

Results. The authors examined the policy of the Soviet state addressing national construction and management of secularization of public consciousness in the 1917–1920s. The study indicated the ratio of declared principles and those already included in the content of power-political regulation. The research has revealed a direct correlation between the factors reinforcing the vertical of power and its legitimation, and the need to develop programs of federalization and liberalization of relationships between the church and the state.

Conclusions. The analysis of the implementation of the policy of national and religious self-determination of peoples in the first post-revolutionary decade has shown that the model that was established by trial and error and incorporated elements of a positive ethnic identity in the ideology of the ruling party became the main method of legitimizing the power of the Russian Communist Party (b) in the 1920s. At the same time, the weakening of class content and abandonment of the world revolution, internationalization of social relations were temporary and limited. The structure, which controlled permissible concessions in matters of self-determination of citizens, was OGPU.

Key words: nation-building, religion, ethnic identity.

В последнее время проблема формирования этнической и религиозной идентичности приобрела не просто актуальный, а взрывоопасный характер. Причины роста сепаратистского национализма, манифестировавшего себя в последние десятилетия XX в. и представшего в новом облике в начале XXI в., уходят своими корнями в решения Версаля и Брест-Литовска [1, с. 260], что и определяет познавательную ценность обращения к изучению исторического опыта национальной политики государств, возрожденных на перекрестной карте Евразии в Новейшее время. Именно в этом направлении концентрируются поиски ответа на вопрос, почему «Короткий XX век» закончился во многом так же, как и начинался: Центральная и Восточная Европа вступи-

ли не в постнациональную, а в постмногонациональную эпоху благодаря масштабной национализации ранее многонационального политического пространства» [2, с. 116].

Помимо прочего, подобные выводы способствовали пересмотру оценки национального строительства в СССР в западной историографии. Так, по словам Э. Хобсбаума, «именно коммунистический режим принял сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные “национально-административные единицы” (т.е. “нации” в современном смысле)», причем создавать там, где еще никто о них всерьез не помышлял [1, с. 263–264]. При этом важно отметить чисто инструментальный подход советского руководства: идея федерации советских республик выступала «теоретической конструкцией советских интеллектуалов, нежели исконным устремлением» народов [1, с. 264]. Сходная позиция представлена в работах Т. Мартина, Р. Брубейкера и др. Так, в одной из своих статей Р. Брубейкер и Ф. Купер констатируют неожиданный (с позиций толкования природы режима) поворот во внутренней политике СССР: «Вместо того чтобы безжалостно подавлять национальное (nationhood), Советский Союз предпринял беспрецедентные усилия по его институционализации и кодификации», заново создавая «индивидов и территории как национальные» [3, с. 164].

Указание на противоречивость и непоследовательность практики национального строительства в СССР требует непредвзятого анализа факторов, содержания, механизма реализации и результатов деятельности государства в этом направлении. Говоря об объективной обусловленности политики большевиков в отношении малых народностей, коренных и пришлых, проживавших на территории России и находившихся в процессе самоопределения, следует обратить внимание на ведущую тенденцию, характерную для обществ переходной эпохи, – ситуация модерна задавала логику либерализации и признания равенства в правах, что в свою очередь «взрывало» неоднородное пространство империй и способствовало деградации этой формы объединения народов и территорий. Одновременно после снятия ограничений и освобождения «угнетенных наций» формируется встречное движение окраин к восприятию некогда враждебной для них, но более совершенной и могущественной имперской модели, а следовательно, рост молодых национализмов [4, с. 55]. Позиционируя себя в качестве ведущей политической силы общественного прогресса, большевики, тем не менее, не могли игнорировать процессы деколонизации: удержать и использовать в своих интересах лоскутное одеяло полиэтнического пространства предстояло ценой вынужденных по сути уступок. В итоге была создана сложная модель административных преобразований, предполагавшая движение к цели посредством чередования и последовательной актуализации нередко взаимоисключающих векторов внутренней политики. Более того, следует отметить, что степень напряжения и оптимизации материальных и людских ресурсов в процессе решения задач модернизации страны нередко задавала логику незамедлительной и сугубо инструментальной смены курса.

Это отчетливо проявилось в ходе масштабнейшей реформы по районированию РСФСР, а затем СССР, ключевыми задачами которой становятся модернизация хозяйственного комплекса на основе научной организации территориального размещения производительных сил, а помимо этого укреп-

ления классового подхода (в формате диктатуры пролетариата) в управлении регионами. Первые попытки экономического районирования России восходят еще к началу XIX в., но только в условиях краха прежней модели государственного управления появилась возможность воплощения идеи экономически ориентированного территориального деления страны. Несмотря на хозяйственную разруху, уже в 1918 г. ряд промышленных съездов связал перспективы развития экономики с введением промышленных районов (областей) и подрайонов (округов) [5, с. 15]. В практическую плоскость этот вопрос был переведен в ходе работы VII Всероссийского съезда Советов (5–9 декабря 1919 г.), на котором в докладах Т. В. Сапронова и М. Ф. Владимирского о социалистическом строительстве был впервые поставлен вопрос о новом территориальном делении республики. Делегаты IX съезда Советов, собравшись в декабре 1920 г. в холодном, не отапливаемом здании Большого театра, принимают план ГОЭЛРО, увязав экономическое районирование с идеей электрификации страны [5, с. 26]. Завершить мероприятия по разработке плана нового административного деления специально созданная комиссия ВЦИК планировала уже к концу 1921 г. [6, л. 156]. В основе грандиозного замысла лежала идея комплексного автономного развития регионов, реорганизованных по принципу экономического тяготения вокруг «классового пролетарского центра» для «живой связи с низшими инстанциями» [6, л. 114]. Как можно заметить, в партийных решениях начала 1920-х г. прекрасно уживался «единственно практически-жизненный» принцип федерации, призванный стать «основной базой для урегулирования производственных сил страны» [6, л. 114], и идея налаживания коммунистического хозяйства в виде «всемирного Совнархоза» [7, л. 17].

Не приходится сомневаться и в крайне настороженной реакции со стороны зарождающихся политических элит национальных автономий, воспринявших в штыки возрождение в условиях перехода к НЭПу «колониальных институтов» (в их понимании) «с самым отъявленным черносотенным чиновничеством», вернувшим к жизни лозунг «о единстве и неделимости России в самой вульгарной форме». Как отмечалось в письме ответственных работников Татарской республики в ЦК РКП (б) в мае 1923 г., «экономические органы с учеными и спецами оказались первыми в роли душителей Автономных Республик» [8, л. 30]. Стремление погасить разрастающиеся противоречия, спровоцированные процессом создания федерации союзных республик, новой экономической политикой и задачами восстановления народнохозяйственного комплекса, способствовало формированию весьма странного толкования концепта «интернациональный», меняющего свое значение в зависимости от изменения курса реальной политики. Так, после известного «грузинского инцидента» лидер большевиков напишет: «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей то неравенство, которое складывается в жизни фактически» [9, л. 80].

Небезынтересно будет отметить и тот факт, что ориентиры, предложенные большевиками в виде уступок угнетенным народам, точно соответ-

вовали критериям дефиниции нации. Так, уже в наши дни известный британский историк Э. Хобсбаум определил три важнейших условия, обеспечивавшие практическое воплощение национальной идеи: «историческая связь народа с современным государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом», «существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком – литературным и административным», и, наконец, «способность к завоеваниям» [1, с. 61–62]. Принимая во внимание первые два, отметим, что партии, действовавшей в русле модернизационных процессов и выдвинувшей претензии на монопольное обладание властью, предстояло постоянно балансировать между стремлением к централизации, а следовательно, ужесточением контроля над обществом, и широкой декларацией права наций на самоопределение и реализацией идей федерализма. В итоге возникает ситуация игры в ложный и подлинный интернационализм, предполагающий сочетание уступок «местным национальным элементам», готовых лояльно работать в рамках советской системы и систематической идейной борьбы, включающей и чистки аппарата, и неуклонную работу по «национализации государственных и партийных учреждений» (перевод делопроизводства на национальные языки и т.п.) [10, л. 67–69]. При этом именно задачи политического управления диктовали необходимость уравнивания в правах всех национальных меньшинств и подстегивания процесса формирования национально-государственных образований, в отдельных случаях действительно заново создавая «индивидов и территории как национальные».

Одним из фронтов борьбы за овладение пространством власти и формирование новой политической идентичности в 1920-е гг. становится реализация демократических по форме мероприятий политики государства в отношении религии и Церкви. В реальной плоскости большевики осуществляли курс на ликвидацию традиционной религиозности, пытаясь использовать подмену веры идеологией для насаждения власти в крестьянской стране. При этом важно учесть, что религия была важнейшим критерием определения этнической принадлежности, и, решая проблему укрепления федерализма, большевики были вынуждены санкционировать и религиозное самоопределение национальных меньшинств, разрешая, в частности, проведение съездов мусульманского духовенства, правда под строгим контролем ГПУ/ОГПУ. Политической спецслужбе, действовавшей при НКВД и СНК, отводилась роль посредника и стабилизирующего элемента в процессе конструирования сложной противоречивой модели социально-политического взаимодействия. Так, подготовку к третьему в постреволюционной России съезду мусульманства, созыв которого предстоял в Уфе в октябре – ноябре 1926 г., Восточный отдел ОГПУ начинает уже в марте. Целый ряд циркулярных предписаний центрального руководства ставил перед спецслужбами задачу пресечения во время работы съезда любого «напора масс», оказания прямого давления на организаторов съезда с целью не допустить принятия решений о «расширении рамок вероучения», об объединении всего духовенства СССР, т.е. фактически никаких решений, кроме выражения лояльности по отношению к советской власти [11, л. 35–36]. С целью сохранения хотя бы подобия правового пространства руководство ЦДУМ (Центрального духовного управления мусульман по уставу 1923 г., утвержденному НКВД) шло на любые уступки

по требованиям ОГПУ. В итоге, как отмечалось в отчете заместителя начальника ВООГПУ Волленберга, все поставленные задачи были выполнены, «подавляющее большинство делегатов уехало со съезда с чувством разочарования и сознания бесполезности потраченного времени» [11, л. 32]. В 1920-е гг. общая политика ОГПУ в отношении съездов представителей исламской уммы претерпела существенные изменения: от ограничения масштабов и сфер деятельности и увеличения периодичности проведения съездов до полного прекращения их проведения в условиях перехода к форсированной индустриализации (намеченный на 1929 г. съезд мусульман России был отложен по решению НКВД на год, потом еще на год, но и в 1931 г. комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК вновь признала проведение съезда делом несвоевременным) [11, л. 85].

Определяющим представляется участие спецслужб и в «административной борьбе с тихоновщиной», реализованное посредством формирования по инициативе и под контролем ГПУ/ОГПУ церковных автономий в лоне Русской православной церкви (РПЦ), лояльных властям и ориентированных на проведение реформ и противоборство с руководством РПЦ. Как следует из доклада начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ от 30 октября 1922 г. Е. Тучкова, для борьбы с «тихоновским реакционным духовенством» «была образована группа, так называемая “Живая Церковь”, состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможным поспорить попов с епископами, примерно как солдат с генералами, ибо между белым и черным духовенством существовала вражда еще задолго до этого времени, так как последнее имело большое преимущество в церкви и ограждала себя канонами от конкуренции белых попов на высшие иерархические посты...» [12, л. 36]. Противоречия и открытые конфликты, возникавшие в процессе взаимодействия инспирированных конфессиональных объединений (например, в рамках деятельности совещания уполномоченных ВЦУ – Высшего церковного управления), пресекались «вмешательством ГПУ» [12, л. 52].

Таким образом, анализ практической реализации курса на национальное и религиозное самоопределение народов в первое постреволюционное десятилетие, созданная путем проб и ошибок модель позитивного включения элементов этнической идентичности в идеологическую практику правящей партии выступало опорным методом легитимизации власти РКП (б) в 1920-х гг. Вместе с тем ослабление классового содержания и отказ от курса на мировую революцию, интернационализацию социальных отношений носило исключительно временный и ограниченный характер. Структурой, контролирующей предел допустимых уступок в вопросах самоопределения граждан, выступило ОГПУ.

Список литературы

1. **Хобсбаум, Э. Д.** Нации и национализм после 1780 года / Э. Д. Хобсбаум ; пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб. : Алетей, 1998. – 305 с.
2. **Брубейкер, Р.** Размышления о национализме и патриотизме / Р. Брубейкер // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М. : Новое издательство, 2010. – С. 110–129.
3. **Брубейкер, Р.** За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Купер // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М. : Новое издательство, 2010. – С. 130–170.

4. **Сухова, О. А.** Имперская идентичность и формирование российской нации: историографические аспекты проблемы / О. А. Сухова, О. В. Ягов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 52–61.
5. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / под ред. К. Д. Егорова. – М. ; Л. : Госплан СССР : Плановое хозяйство, 1925. – 307 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 5677. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАРФ. Ф. Р. 6984. Оп. 1. Д. 1.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 32. Д. 4.
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2.
10. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 5.
11. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 18.
12. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 12.

References

1. Khobsbaum E. D. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780]. Saint-Petersburg: Aletyya, 1998, 305 p.
2. Brubeyker R. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empires and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010, pp. 110–129.
3. Brubeyker R., Kuper F. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empires and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010, pp. 130–170.
4. Sukhova O. A., Yagov O. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2015, no. 3 (35), pp. 52–61.
5. *Sbornik materialov po rayonirovaniyu s 1917 po 1925 god* [Zoning materials collection of 1917–1925]. Ed. by K. D. Egorov. Moscow; Leningrad: Gosplan SSSR: Planovoe khozyaystvo, 1925, 307 p.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. R. 5677. Op. 1. D. 7.
7. *GARF*. F. R. 6984. Op. 1. D. 1.
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii* [Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI). F. 3. Op. 32. D. 4.
9. *RGANI*. F. 3. Op. 32. D. 2.
10. *RGANI*. F. 3. Op. 32. D. 5.
11. *RGANI*. F. 3. Op. 32. D. 18.
12. *RGANI*. F. 3. Op. 60. D. 12.

Сухова Ольга Александровна
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, краеведения
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna
Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history, local
history and history teaching technique,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Ягов Олег Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
декан историко-филологического
факультета, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: yagovdom@mail.ru

Yagov Oleg Vasilevich

Doctor of historical sciences, professor,
dean of the Faculty of History
and Philology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947.084.5

Сухова, О. А.

Религия, этническая идентичность и Объединенное государственное политическое управление: к вопросу о факторах национального строительства в СССР в 1920-е гг. / О. А. Сухова, О. В. Ягов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 74–81. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-7